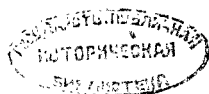

ИЗВЕСТИЯ
УЗБЕКИСТАНСКОГО ФИЛИАЛА

3/
1941

ИЗДАТЕЛЬСТВО УзФАН
Ташкент—1941

МАРГЕЛАНСКИЙ ГОВОР УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Опыт описательной характеристики фонетики и наиболее характерных особенностей морфологии

В. В. РЕШЕТОВ

Изучение фонетического состава и морфологических особенностей узбекских говоров параллельно исследованиям в части фонетики и морфологии литературного узбекского языка имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Разработка научных основ узбекской орфографии, создание единого литературного произношения, проблемы истории узбекского языка и, наконец, вопросы классификации узбекских диалектов связаны с описанием еще далеко недостаточно изученных и обследованных отдельных узбекских говоров.

В диалектологическом отношении узбекский язык довольно сложен, поскольку фонетические, морфологические и лексические особенности, по крайней мере части узбекских диалектов, довольно резко выражены и бросаются в глаза подчас и неспециалистам. В ряде случаев различия в узбекских диалектах объяснялись даже различным их происхождением. Большое значение при этом имело то обстоятельство, что на классификацию узбекских диалектов переносились взгляды, принятые в общих классификациях тюркских языков вообще.

Академик В. В. Радлов в своей классификации тюркских языков относит узбекский язык к кособой среднеазиатской группе, т. е. к III группе четырехчленной классификации (Phonetik der nördlichen Türkssprachen), а академик Корш — к „смешанной“ группе и к „восточной“ группе. (Классификация турецких племен по языкам, „Этнографическое обозрение“, 1910).

На почве этих классификаций наречия и говоры узбекского языка относились к различным группам:

а) юго-западной или огузско-туркменской („огузское“ наречие узбекского языка);

б) юго-восточной („чагатайское“ наречие, к которому относили большинство городских узбекских говоров);

в) северо-западной („кипчакское“ наречие узбекского языка). Классификация тюркских языков, построенная на учете ряда фонетических корреспондентий и морфологических признаков, была подвергнута, как известно, критике акад. Н. Я. Марром¹. В основу же классификации узбекских говоров обычно ставили критерий степени „иранизации“², сохранения сингармонизма и т. п.

¹ Акад. Марр. Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков. Избр. раб., т. IV, стр. 136—137. Замечания по поводу несостоятельности классификации тюркских языков см. в раб. А. К. Боровкова „Новое учение о языке и проблема изучения национальных языков“. Всесоюзный центральный комитет нового алфавита Н. Я. Марр, Москва, 1936, стр. 106.

Вопрос этот затронут проф. И. А. Батмановым в его работе „Вопросы классификации узбекских говоров“ в сб. „Проблемы языка“, вып. 1, Ташкент, Узгиз, 1934.

² См. И. А. Батманов, там же.

К. К. Юдахин в своей работе „Материалы к вопросу о звуковом составе чагатайского языка“¹, исходя из того, что узбекский язык на территории Средней Азии является вторичным (аборигены-иранцы, В. Р.) и из взаимоотношений узбекского языка с таджикским, считает возможным установить четыре группы:

1. Говоры, сохранившие турецкий звуковой состав и сингармонизм, но имеющие значительные иранские словарные заимствования (Чимкентский и Туркестанский районы).

2. Говоры, частично изменившие свой звуковой состав (переход общетурецкого „а“, то в „э“, то в сильно лабиализованный „а“, слияние звуков „ь—і“, неразличение „л—1“) и утратившие сингармонизм (гор. Ош).

3. Говоры, целиком сохранившие иранские гласные и утратившие сингармонизм и различение „л—1“ (Ташкент с некоторыми окрестными кишлаками, Вуадиль и др.).

4. Говоры таджиков, говорящих по-узбекски и по-таджики (основное население гг. Самарканда, Бухары и др.).

Эта последняя группа—пишет К. К. Юдахин—дает наиболее наглядную картину того, как иранское население, воспринимая турецкий язык, затрудняется при усвоении турецких гласных и двух типов „л“ (л—1).

И. И. Зарубин также отмечает „наличность, по крайней мере, четырех узбекских говоров: хивинского, ферганского, ташкентского и самаркандско-бухарского“².

В своем логически законченном виде классификация узбекских говоров, основанная на теории „иранизации“, предусматривала следующие наречия:

а) „чагатайское“ (с охватом 7 типов), б) „огузское“ (с охватом 2 типов, в) „кипчакское“ (с охватом 5 типов).

Следует заметить, что, несмотря на кажущуюся убедительность, эта классификация, оперирующая по преимуществу историческими и этнологическими фактами, не обоснована в лингвистическом отношении и нам предстоит заново приступить к решению проблемы классификации узбекских наречий и говоров.

Одна из последних классификационных наметок проф. А. К. Борова³ предусматривает в основном следующие группы узбекских говоров:

1. „Окающая“ группа говоров, к которой относятся преимущественно говоры городских центров и прилегающих к ним районов (Ташкентский, Самаркандский, Бухарский, Катта-Курганский, Каршинский, Джизакский, Андижанский, Кокандский, Маргеланский, Ферганский и др.).

В „окающих“ говорах состав вокализма обычно шести-или семифонемный.

II. „Акающая“ группа говоров характеризуется „сингармонистическим“ укладом гласных и в них мы обычно встречаем от восьми до десяти и больше качественно отличных гласных фонем.

К „акающим“ говорам отнесены северо-хорезмские говоры, кишлачные узбекские говоры Самаркандской области, говоры долин Сурхан-Дарья и Кашка-Дарья, южно-хорезмские и др.

„Акающая“ группа говоров по своим фонетическим и морфологическим признакам подразделяется на две подгруппы по признаку „йо-канья“ и „джоканья“. К „йокающей“ подгруппе отнесены узбекские говоры южного Казахстана (Чимкент, Манкент, Туркестан и др.) и юж-

¹ Культура и письменность Востока, кн. IV, изд. ВЦКНТА.

² Список народностей Туркестанского края, Ленинград, 1925, стр. 14.

³ Новый узбекский алфавит. Журн. „Литература и искусство Узбекистана“, кн. III, Ташкент, 1940.

ганы указывается и в новейшей этнографической литературе, хотя этот вопрос с этнографической и антропологической точек зрения едва ли можно считать окончательно решенным. Указания по этому вопросу мы находим у А.—Ф. Миддендорфа (Очерки Ферганской долины. Санкт-Петербург, 1882, стр. 340, 357, 380 и др.), В. Наливкина и М. Наливкиной (Очерки быта женщины оседлого туземного населения Ферганы, Казань, 1886, стр. 15, 16—27), В. Наливкина (Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 19 и др.) и в ряде других работ.

Как бы то ни было, племенной состав городского населения обычно складывается из разнообразных элементов, что, безусловно, находит отражение в образовании говора.

Первые сведения о маргеланском говоре собрал Н. Пантусов (Маргеланская сказка о старике и дочери купца. Записки Казанского университета, кн. 12, 1899). Однако записи Н. Пантусова К. К. Юдахин вполне обоснованно берет под сомнение (Некоторые особенности Карабулакского говора. Сб. В. В. Бартольду, 1927). Образец записи ферганского текста приводится и К. Menges'ом (Drei uezbekische Texte. Der Islam, Band XXI, Heft 2/3, Berlin, 1933). II. Farḡānisher Text 1. Nasr—ad—Din—Āfāndī и комментарии к нему.

Позволю себе сделать следующие замечания по поводу записей К. Menges'a:

1. Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, фонема ə (в транскрипции Menges'a ä) не выступает в суффиксах дательного, местного и т. п. падежей, в суффиксе множественного числа и т. п., точно так же, как не отмечен в дательном падеже и заднеязычный спирант ɟ (в транскрипции К. М. γ).

У Menges'a: vāʔyā вместо ожидаемого vāʔyā; vāʔdāʔ вместо vāʔdāʔ; mālār вместо mālār.

2. Следует считать безусловно верным заключение Menges'a в отношении звука а, как среднего из трех широких гласных фонем, а именно „Das eine a, in der Mitte zwischen ä und ä liegend ist indifferent...“, стр. 173.

3. Ассимиляция конечного звука основы первому звуку суффикса lār отмечена и Menges'ом:

hāt̪lār < hāt̪llār < hāt̪ɫlār.

Из трудов, посвященных другим ферганским говорам, следует указать на работы:

5. بوداھین. وادیل قشلاعی له هجه سی حاقدار نیچه سوز

(журнал „مه عارفی وه کوفتو فوجی“ за 1927 г.).

К. К. Юдахин описал говор кишлака Вуадиль, расположенного в 24 км к югу от Ферганы по Шахимарданской дороге. Он отмечает отсутствие звуков „b“ (заднего ряда), „e“ и „y“ (переднего ряда)¹ и указывает, что по составу вокализма он близок к ташкентской системе, т. е. имеет звукопредставления: u, o, i, e, ə, a.

В характеристике отдельных звуков К. К. Юдахин указывает, что: „a“ во всех случаях равен открытому „o“, звуки „e“ и „o“ более закрыты, чем в ташкентском.²

¹ В нашем условном обозначении „ö“ и „ü“.

² Он пишет:

« بولارنىڭ يايغىلىغى به عزن شو دهره له رگه بارادىكم هه تنه مین قایسى چاغلاردا « e » نى
« i » دت وه « o » نى « u » دت اجراشلا جوده قینالشغامه جیور بولامان »

Следует указать на звук „е“, наблюдаемый в Вуадиле в суффиксах Negativi и в положительной форме настояще-будущего времени от основ типа:

гл. + согл. + согл. + гл. и согл. + гл. + согл. + гл.

Этот звук „е“ является не основной фонемой (так же, как и в чередовании—təj |—təj|—təj маргеланского говора), а факультативным вариантом, промежуточным между „э“ и „е“ (больше в сторону „э“).

Отмечена и спиритизация „к“ и „q“: toq/tox (توق) tik/tix (تیک), tiq/tix (تیق), tok/tox (توک). Jarring. The uzvek Dialekt of Qilich (Russian Turkestan) with texts and glossary, Zund. 1939.

Приводятся тексты с обстоятельными комментариями к ним. Тексты записаны в Кашгаре со слов Ahmad Jan'a выходца (эмигранта) из киш-лака Qilich (в 40 км от Намангана). И это обстоятельство, несмотря на точность записи Jarring'a, может навести на мысль, что объект его уже мог подвергнуться влиянию другой языковой стихии, а именно—уй-гурской, и в связи с этим могли быть, безусловно, отклонения от нормы.

Jarring в phonetic Remarks не дает точного определения количества качественно отличных гласных фонем, а приводит систему транскрипционных знаков в следующем виде:

palatal: ε e i ù ü ö

velar: a i u o

indifferent: ь

close: i i ù ü u

half—close: e ö

half—open: ε

open: a o

Вокализм. В маргеланском говоре имеется семь самостоятельных, качественно отличных гласных фонем: ь, е, э, а, э, о, u.

Указанные звукопредставления можно разбить по трем признакам:

- 1) передние ь е э, задние u, o э а;
- 2) губные u o э, негубные ь е э а;
- 3) широкие э а э, узкие ь u, полуузкие е o.

Они могут быть представлены в следующей таблице:

	передние	задние
узкие	ь	[u]
полуузкие	е	[o]
широкие	э а	[э]

Примечание. Лабиализованные гласные заключены в квадратные [ ] скобки.

Характеристика отдельных гласных фонем. Фонема „э“ звук узкий, нелабиализованный, произносимый с относительно большим раствором рта, менее энергично и более кратко, нежели русское „и“ (является заместителем „и“ („переднее“) и „ь“ („заднее“) и распределяет между своими наиболее зависимыми вариантами качественные черты их:¹

ьлп—змея, ьр—нитки, ьт—собака, ькь—два, ьлдь—он сделал и т. п.

Наиболее передний уклад эта фонема получает: а) после „к“—„g“: кьг—войди, кьт—кто, кь]—надень и т. п.;

¹ На совпадение ь/i в монгольском литературном языке указывает и Б. Я. Владимирицев, „Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и холхасского наречия“, Ленинград, 1929.

„По этой системе (речь идет о двух рядах гласных—задние и передние, В. Р.) два гласных, чрезвычайно близких друг к другу, „ь“ и „и“ относились к двум различным рядам. В монгольском письменном языке еще в очень раннее время произошло сближение этих двух фонем, выразившееся в том, что „ь“ перестал отличаться от „и“. На месте двух гласных оказался только один: стройная система деления на два ряда была нарушена. Повидимому, уже в половине XIII в. монголы перестали различать „ь“ от „и“, стр. 122.

б) в положении между двумя переднеязычными: sʒz—вы, ʃʒʃ—опухоль, sʒg—тайна, tʃl—язык, sʃl—рябчик и т. п.

Следует отметить, что в положении перед г | z „ʒ“ сильно редуцируется: v[ʒ]g — один, v[ʒ]z — мы;

в) между переднеязычными и „j“, „k“, „g“: tʃʒp—копейка, sʒgʒg—корова, ʃʒgʒg—печень;

г) в начале слова перед переднеязычными: ʒʒ—дело, работа, ʒs—запах, ʒs—пей, ʒz—след.

Наиболее задний уклад („ы“-образный вариант) эта фонема получает в соседстве с глубокозаднеязычными „q“, „q“, „x“: qʒz—дочь, qʒʒ—зима, tʃxʒs—гвоздик, ʒqʒʒr—соскочив, вскочив и т. п.

В конце слова (т. е. в последнем открытом слоге) носит характер гласного, промежуточного между „i“ и „y“, звучит как звук типа „e“ (т. е. как „ē“ в МФА) и весьма открытого: vʒrdʒ=vʒrdē он ходил, keldʒ=keldē—он пришел, ʒldʒ=ʒldē—он взял, ʒwʒvʒ=ʒwʒvē—его отец, ʒtʒsʒ=ʒtʒsē—его отец.

Примечание. Открытый вариант фонемы „ʒ“ может быть встречен (факультативно) и в неконечном слоге, например, kʒskʒpʒ—кʒскʒпʒ—маленький.

В конце же слова после глухого согласного звука (в случае перенесения ударения на начало слова) „ʒ“ оглушается: ʒʒʒʒʒʒ—он взял, vʒʒʒʒʒʒ—он пошел и т. п.

Оглушение и редукция¹ фонемы „ʒ“ наблюдается: а) между глухими согласными (в слоге без ударения): rʒʒʒg—вари, kʒsʒk—маленький;

б) в начале неодносложного слова перед глухими согласными звуками: ʒʒsʒ—рабочий, ʒʒtʒ—он пил (лит. icdi).

В сочетании с j—отом=ʒj производит акустическое впечатление долгого „ʒ“: kʒ: dʒ=kʒ: dē—он надел (лит. kljdi).

Фонема „e“ является полуузкой (закрытой) гласной фонемой. Наиболее устойчива в качественном отношении—не редуцируется и не оглушается. Приближается к русскому безударному „e“ после согласного или к „э“ в слове „эти“. При ее произношении рот более прикрыт, чем при произношении нормального, ударенного русского „э/e“ и в силу этого русским слухом часто воспринимается как „и“: eʒ—муж, ескʒ—коза, епʒ—теперь, вeʒ—поясница, вeʒ—дай, kеʒ—приходи.

В глаголах: jemaq—есть (кушать), demaq—сказать, как и в ташкентском говоре, находим маргеланское ʒ←e в формах, где за основой следует суффиксальный „j“: jʒjʒʒʒ—я ем, dʒjʒʒʒ—я говорю и т. п.

Звук „ə“ широкий, нелабиализованный. Средний между русскими „а“ и „э“ (в маргеланском говоре является статистически нормальной

¹ Редукция или сокращение нормальной полноты произношения наблюдается почти во всех узбекских говорах. Явление это в одних говорах больше, а в других меньше, в одних сочетаниях звуков и слов оно проявляется в большей степени, в других—в меньшей.

Следует указать еще на тот факт, что часто бывает очень трудно отличить в речи редуцированные звуки от иррациональных (сверхкратких). Звук, который кажется одному наблюдателю редуцированным, другому кажется иррациональным, а третий находит, положим, даже полную утрату данного звука. Так, проф. А. К. Боровков в своей работе „О некоторых очередных вопросах орфографии узбекского литературного языка“ (Записки Института востоковедения Академии наук СССР, т. VI, 1937), на стр. 76 о сверхкратком узком „i“ делает следующее замечание: „Существо дела заключается в том, что в ряде говоров, в ташкентском в первую очередь, сверхкраткий узкий i характеризуется неустойчивостью и способностью к оглушению и редукции в положении между глухими согласными в неударенном слоге. В ташкентском говоре возможна полная редукция сверхкраткого i даже в ударенном слоге, именно как результат редукции неустойчивого краткого узкого гласного, напр. sʒ (iʒ), vʒ и пр. В „сингармонистических“ говорах и в самаркандском краткий узкий i обладает большей устойчивостью и отличается количественно и качественно от изменчивого i ташкентского типа“.

фонемой¹) экэ—старший брат, эј'тѣкъ—сказал, что..., јузтэ (=justə)—сто (штук), зьјѣрѣт—угощение (лит.-орфографическое zjafai).

Фонема „а“ есть широкий, чистый звук „а“, несколько более задний, чем русское „а“ и ни в какой степени не лабиализованный: qana—какой, эјаq—нога, ноги, qilaq—ухо, уши, qansa—сколько и т. п.

Фонема „а“ выступает, главным образом, в соседстве с глубоко-заднеязычным „q“ или „q'“. Но эта позиция является типичной, а не обязательной причиной наличия звука „а“ (ибо с „q“ могут соседить как „э“, так и „э“). Это обстоятельство, с одной стороны, позволяет гласный „а“ рассматривать как фонему, т. е. как среднюю из трех широких гласных фонем „э а э“, а не комбинаторный вариант фонемы „э“ или „э“; с другой же стороны, почти исключительное употребление фонемы „а“ в соседстве с „q“ или „q'“ дает право видеть в „а“ нечто промежуточное между фонемой и зависимым вариантом фонемы.

Подобные явления, однако, далеко не единичны. Можно сравнить до известной степени сходную „промежуточную“ в фонологическом отношении характеристику русского „ы“, которое можно называть фонемой лишь с рядом оговорок.¹

Фонема „э“—очень открытое „о“, произносимое с некоторым вытягиванием губ и с более широким раствором рта, чем при русском „о“, но с менее энергичной губной работой: этэ—отец, ээ—плов, пища, вээ—голова, вэлэ—ребенок, ээј—место.

Качество фонемы „э“ в различных узбекских говорах различно; в маргеланском же говоре фонема „э“ более устойчиво сохраняет характер широкого „о“ („э“ в МФА), приближающегося к качеству самаркандского „э“, тогда как ташкентская фонема в значительной степени колеблется между типами „а“ („заднее а“) и „э“ („широкое о“).

Объяснить эту качественную устойчивость маргеланского „э“ можно, очевидно, сосуществованием двух широких фонем „а“ и „э“ и, следовательно, во избежание качественного совпадения „э“ и „а“, губная работа при произношении маргеланского „э“ является уже обязательным признаком фонемы „э“, а не факультативным, как в ташкентском говоре.

Следовательно, в маргеланском говоре следует констатировать существование трех широких гласных фонем „э, а, э“.

Из них, как указывалось выше, фонемы „э“ и „э“ являются статистически нормальными. Употребление же фонемы „а“ ограничено по преимуществу одной специфической позицией.

Маргеланское „э“ приближается в этом отношении к качеству самаркандского „э“ и может быть, следовательно, с известной натяжкой отождествлено с русским „о“ под ударением.

Распределение фонем „э“ и „э“ в общем походит на ташкентское, если не считать, разумеется, тех позиций, которые в маргеланском отведены фонеме „а“, т. е. фонема „э“ маргеланского говора, употребляется несколько реже, чем в ташкентском, ввиду того, что известное число функций ташкентского „э“ в маргеланском выполняется фонемой „а“.

Например: лит.-орфограф. ајаq || марг. эјаq || ташк. эјѣq—нога.

Фонема „э“ встречается: а) в односложных словах; б) в ударенном (конечном) закрытом слоге; в) в первом неударенном слоге двусложных слов—независимо от того, является ли этот слог закрытым или открытым [за исключением тех случаев, когда вместо ожидаемого „э“

¹ Или аргументацию Я. С. Виленчик „Система гласных в народно-арабском языке горожан Сирии и Палестины“, Записки Института востоковедения Академии наук, VI Москва, 1937, Ленинград, стр. 134.

зарегистрировано „э“ под давлением j —ота, как в маргеланском jətaq || ташкентском jətəq].

Иначе говоря, фонему „э“ в маргеланском говоре мы встречаем в словах:

I. *Tuna—at*:

Лит.-орфограф. at || марг. ət—лошадь, лит.-орфограф. a] || марг. ə]—луна, лит.-орфограф. ac || марг. əc—открой, лит.-орфограф, aI || марг. əI—возьми.

II. *Tuna—nan*:

Лит.-орфограф. nan || марг. nən—хлеб, лит.-орфограф. va] || марг, və]—богач.

III. *Tuna—ata*:

Лит.-орфограф. ata || марг. ətə || ташк. ətə—отец.

IV. *Tuna—vala*:

Лит.-орфограф. vala || марг. vələ || ташк. vələ—ребенок, лит.-орфограф qara || марг. qəgə || ташк. qəgə—черный.

Глагольные основы типа sana представляют исключения: в них мы встречаем „э“, а не „э“: лит.-орфограф.sana || марг. sənə || ташк. sənə—считай.

У. *В следующих типах слов:*

Лит.-орфограф. jaman || марг. jətəp || ташк. jətəp—плохой, лит.-орфограф. arzan || марг. əgzəp || ташк. əgzəp (или более частый дублет—əgzəp)—дешевый, лит.-орфограф. çavav || арабск. جواب → марг. çəwər || ташк. çəwər—ответ, лит.-орфограф. hamtam || араб. حمام || марг. həmtəmt (наряду с həmtəmt) || ташк. xəmtəmt—баня, лит.-орфограф. varmaq || марг. vərmaq || ташк. vərmaq—палец, лит.-орфограф. tavaq || марг. təvaq || ташк. təwəq—блюдо.

Следовательно, в виде доминирующей нормы к маргеланскому говору применимо следующее:

Если последним согласным слова оказывается не глубокий заднеязычный „q“, а согласный какой-либо другой категории, как в словах типа jaman, arzan и т. п., то литературно-орфографическое „а“ склонно давать отражение в виде „э“; если же конечным согласным является глубокий заднеязычный „q“, то литературно-орфографическое „а“ первого слога, как и в предыдущем случае, дает „э“, но литературно-орфографическое „а“ второго слога, т. е. непосредственно предшествующее конечному „q“, обычно отражается в виде „третьей“ или средней широкой гласной фонемы „а“—vərmaq, təvaq и т. п. Однако следует указать и на исключения, т. е. когда наблюдается „э“ вместо ожидаемого „э“ первого слога:

1. „э“ вместо „э“ благодаря соседству с j—отом: лит.-орфограф. tajaq || марг. təjaq—палка, лит.-орфограф. rəjraq || марг. rəjraq—чулок.

К исключениям данной категории (т. е. случаев маргеланского „э“ вместо „э“ под влиянием j—ота) относится и основа лит.-орфограф. ajt—скажи: в маргеланском она имеет форму əjt, в ташкентском же в ней произошло уже и дальнейшее фонетическое изменение: стяжение əj → e.

Таким образом лит.-орфограф. ajt || марг. əjt → ташк. et, напр. etətəp—я скажу, я говорю, etməq—сказать, говорить.

Добавим, что подобное „смягчение“—влияние j—ота (скажется в появлении „э“ вместо ожидаемого „э“) наблюдается и в первом слове, ср., напр., марг. voqđə] и ташк. voqđə]—пшеница.

2. Случаи, где вместо ожидаемого „э“ первого слога имеем „а“ или „э“ при наличии звука „q“ или „x“ в непосредственном или же близком соседстве с данным гласным звуком. Например: лит.-орфограф. qavat || марг. qawat—слой, лит.-орфограф. qattiq || марг. qattʲq—твердый, лит.-орфограф. qajqi || марг. qəjqʲ || ташк. qəjqʲ—печаль, лит.-орфограф. atqan || марг. ətqan || ташк. ətqəp—аркан.

Однако следует указать и на наблюдаемые исключения, а именно в словах: sɔqɔl, qɔqɔz, jɔqɔs и некоторых др. мы имеем в маргеланском регулярное „ɔ“ в обоих случаях.

Узкая лабиализованная фонема „u“ имеет несколько более заднюю артикуляцию, чем русское „у“; она варьирует между задним и передним укладом (подобно фонеме „ʊ“).

Это объясняется, повидимому, тем, что фонема „u“ является заместителем лабиализованных узких гласных фонем: „ü“ и „u“: uc—„три“, qul—раб, vi—это, kɪp (kūp) день, sɪʂɛtʂz—мы сойдем (лит. tušamiz), gɪl (zūl)—цветок, qɪsɑqɪɛr—объяв и т. п.

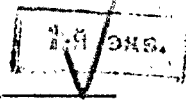
В случаях kūp, gūl мы имеем гласный промежуточный между „у“ и „u“, т. е. - „ū“, а в qɪl, qɪsɑqɪɛr—задний гласный, т. е. „u“ в МФА.

Подобную же характеристику можно дать и в отношении *гласного „o“*, который, подобно фонеме „u“, варьирует между задним „o“ и относительно передним „ö“: qɔl—рука, qɔj—баран, овца, oqɪʂ—его сын (мы имеем заднее „o“), kol (köl̩mɛ-köl̩) озерами, col (cöl̩mɛ-cöl̩)—степями, soz (sɔz) слово, kɔsɛ (kösɛ)—улица (мы имеем более переднее „o“).

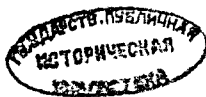
Звук „o“ очень часто производит впечатление звука акустически среднего между русским „у“ и „o“.

ИЗВЕСТИЯ
УЗБЕКИСТАНСКОГО ФИЛИАЛА

4
1 9 4 1

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО КОНСОНАНТИЗМУ
И МОРФОЛОГИИ МАРГЕЛАНСКОГО ГОВОРА
УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

В. В. РЕШЕТОВ

Систему маргеланского консонантизма представляем в следующей таблице:

	Губные		Переднеязычные				Среднеязычный	Заднеязычные				Гортанные	
	глухие	звонкие	глухие	звонкие	глухие	звонкие		более передние		более задние			
							глухие	звонкие	глухие	звонкие			
Шумные	Спиранты	ɸ	w	s	z	ʃ	[zʲ]	j	[xʷ]	[ɣʷ]	x	q	h
	Смычные	p	b	t	d				k	g	q	[q ₁]	[ɛ]
	Аффрикаты					c	ç						
Плавные	Носовые		m		n					ŋ			
	Боковые				l								
	Дрожащие				r								

Характеристика отдельных согласных фонем

Губные: „ɸ“, „w“, „p“, „b“, „m“.

Губные „ɸ“, „w“ в маргеланском говоре являются губно-губными звуками. Фонема „ɸ“ встречается, главным образом, в звукоподражательных комплексах типа *риɸ—риɸ—дуть*, *тиɸ—тиɸ—плевать* и т. п., а вообще носит спорадический характер и в большинстве случаев заменяется через „p“: *хэрэ—сердитый* (лит. *хафа*), *рэгзэнд—дитя* (лит. *farzand*)¹.

В отношении же фонемы „w“ следует сказать, что в маргеланском говоре она является скорее промежуточным звуком, т. е. промежуточ-

¹ Любопытное замечание делает проф. А. В. Миртов в „Методике русского языка в узбекской школе“ о произношении фонемы „ɸ“ узбекскими школьниками: „В произношении большинства узбекских школьников это (т. е. звук „ɸ“ В. Р.) или взрывной звук „п“ с некоторым придыханием или двугубое (билабиальное) „ɸ“, т. е. звук, средний между „п“ и „ɸ“.

НЫМ между „w“ губно-губным и „v“ губно-зубным: waxt—время (лит. vaqt ← араб. وقت), əwwəl—сначала (лит. avval ← араб. أول).

При произношении согласных „в“, „р“, „т“ предварительный рас-твор рта шире, чем при произношении соответствующих звуков русско-го языка: vələ—ребенок, дитя, vuləg—эти, vʏttə—один (экземпляр), rəjt—время, момент, тʏплəп—с (лит. blan), maxsad—цель (лит. maqsad ← араб. مقصد).

Звук „в“ в начале слова звучит не так звонко, в конце же слова заглушается и переходит в „р“ (в→р): kʏtəp—книга (лит. ktav ← араб. كتاب), ʕəwəp—ответ (лит. ʕavav), pʏsə—поцелуй (лит. vosa), ʔʏp—взяв (лит. aliv).

В середине слова, между двумя гласными звуками, наблюдается пе-реход „в“ в „w“ (в→w): əgəwə—арба, телега (лит. agava), xəwəg—весть, известие (лит. xavag ← араб. خبر), vəgəwəg—равный (лит. vaqavag).

Переднеязычные: „s“, „z“, „ʃ“, [z], „t“, „d“, „c“, „ʕ“, „n“, „l“, „r“.

При произношении „s“ (глухого) и „z“ (звонкого) в большей степе-ни принимает участие начало спинки языка, а не кончик: sʏjlə—говори, səp—тебя, zəgəg—ювелир, tʏzzə—колени, колени, əqzʏgə—в (его) рот.

Звук „z“ очень часто акустически производит впечатление звука „полузвонкого“ спيرانта, промежуточного между „s“ и „z“ (больше в сторону последнего). В конце слова он заглушается и приближается к „s“: qʏz(=qʏs)—девочка, juz(=jus)—сто, soz—слово, rʏʔz—лук.

„ʃ“ производит акустическое впечатление звука типа „смягченного“ русского „Шь“ (палатализованное „Ш“): ʃundəj—так, ʃundə—здесь, ʃəhəg—город, ʃəjtəp—дьявол, шайтан.

Фонема [z] литературного узбекского языка в живой речи часто за-меняется фонемой „ʕ“.

„t“, „d“, „n“ артикуляционно и акустически ближе к соответствующим „твердым“ (а не „мягким“—палатализованным) русским звукам: qattʏq—твердо, крепко, taqʏp—еще, təndʏg—печь для лепешек, kettʏ—ушел, уехал, dʏdʏ—(он) сказал, dəstərxəp—скатерть, ʏpəpətəp—я верю.

Звук „d“ после глухих шумных согласных звучит не так звонко, а в конце слова слышится настолько глухо, что акустически приближает-ся к „t“: əstʏ—он открыл (лит. acdi), kettʏ—он ушел (лит. ketdi), dət(=dət)—крик о помощи.

Следует указать на переход конечного „n“:

а) n→d в дательном падеже:

ʕəhəp—ʕəhəpŋə,
eʃəp—eʃəpŋə,
ʕəhʏmərdəp—ʕəhʏmərdəpŋə;

б) n→m в позиции перед словом с начальным звуком „в“:

sə ⁿ/_m vələm (=səmvələm) —ты—сын мой,
deqʕ ⁿ/_m voldʏ (=deqʕmvoldʏ) —стал крестьянином,
o ⁿ/_m veʃ (omveʃ) —пятнадцать,
həjg ⁿ/_m voldʏm (=həjgmvoldʏm)—я удивился.

Аффрикаты „c“ и „ʕ“ произносятся скорее началом спинки языка, чем кончиком: ʕqtaq—выходить, hec—ни, qusaq (quscəq)—объятия, ʏskəgʏ—внутренняя часть, ʕəp—душа, ʕudə—очень.

Переход c→ʕ наблюдается перед глухим переднеязычным „t“: qəʕtʏ—он убежал (лит. qacdi), ʏʕtʏ—он выпил (qəpʏpʏj jergə veʕgə suw ʏʕtʏ—лег на живот и напился воды).

К характеристике „ʕ“ следует добавить, что оно в быстрой речи

Знаком „q₁“ передается глубокозаднеязычный смычный, комбинаторный вариант фонемы „q“. Обычно (но не всегда) появляется в положении после „п“: qɔŋaŋq₁ʔ—темный, jɛɔq₁ʔɣ—дождь, jɔŋq₁aq—орех.

Гортанные: „h“—проточный гортанный звук, подобный немецкому „h“ в слове haben: hɛɣ—каждый, hɛttɛ—все, hɔzɫ—шутка (лит. hazil).

Араб. ح отражается в маргеланском говоре в виде „h“ (в ташк. х): араб. حمام → лит. hamtam || марг. hɛttɛttɛ || ташк. хɛttɛttɛ.

Знаком „[ɣʰ]“ передается гортанный смычный. Звукотребование в маргеланском говоре встречается очень редко, зарегистрировано в двух-трех случаях: tɛsʰɛlɛ—вопрос (лит. masala ← مەسئالە), qurʰɛn—коран (лит. qurʰan).

Замечания по морфологии

1. Показателем множественного числа во всех случаях выступает суффикс „-lɛɣ“: tɔɔlɛɣ—горы, deqɔnlɛɣ—крестьяне, jɛqʰz-ɣɔqʰlɛɣ—плач, vɔlɛ—saqalɛɣ—детвора; семья.

При быстрой речи наблюдается ассимиляция последнего звука основы—первому звуку суффикса „-lɛɣ“: хэтп—женщина, хэтпlɛɣ—женщины, jɛɣ=земля, jɛllɛɣ (наряду с jɛrlɛɣ)—земли.

Зарегистрировано и случай—lɛɣ→nɛɣ: ɔʎɛɛnɛɣ—умрите—экэсэпъ воjпъdɛn qusɔqʰlɛɣ, хо: ɛʂɔŋɛ qʰz tɔɣʂɛɣmɛj ɔʎɛɛnɛɣ—„обняла брата за шею (и сказала) ах—умрите, не поручая (доверяя) ишану девушки“.

2. В маргеланском говоре, за редкими исключениями, не различаются родительный и винительный падежи. Вместо них выступает сложный по своим функциям падеж: хэт вɔɣɣɣ sɔwdɔɣɣɣdɣ oɔʎɛɛp qoʎɛɣɣ sɔʂtɣ—„письмо дошло и попало в руки сына купца“ [здесь мы имеем sɔwdɔɣɣɣdɣ oɔʎɛɛp или oɔʎɛɛp qoʎɛɣɣ (или, положим, oɔʎɛɛp kordɣm)—наличие и родительного, и винительного падежей]; ʂundɛ хэттɣ oqur turur, ɣkʰ qoʎɛɛp tɣzzɛsɣɣɣ uɣur, qɔn jɛqʰlɛdɛ—„(здесь) читая письмо (он) ударил обеими руками по коленям и горько заплакал“.

Следует указать на чередование „-пъ /-dʰ/-tɣ“:

а) „-пъ“ обычно (но не всегда) после гласных: ʎʂtɛsɛpɣ—троих (из них) (лит. ictasini), хотɣпɣпɣ—его жену;

б) „-dʰ“ обычно после звонких согласных: qoʎdʰ—барана, ɔdɛm dʰ—человека, qʰz dʰ—дочь;

в) „-tɣ“ обычно после глухих согласных: ɔʂtɣ—плов, гɛртɣ—разговор.

Кроме того, наряду с чередованием „-пъ/-dʰ/-tɣ“ встречаем и полную прогрессивную ассимиляцию суффиксального „п“ конечному согласному основы: ʂɛhɛɣɣ—город (лит. ʂaharni или ʂaharniɛ...), qɔqɔzɣzɣ (=qɔqɔzɣzɣ)—бумагу (лит. qaqazni или qaqaznin), jollɣ—путь, дорогу—ontor kullɣ jollɣ—четырнадцатидневный путь, хэттɣ juvɛɣdɣ—письмо послал, sɛɣxɔwuzzɣ воjɣdɛn vɣɣ qʰzɣl gʰl uzɣɣ sɣxtɣ—сорвал с берега хауза красный цветок.

3. Дательный—направительный—„-gɛ/-kɛ/-qa“: jɛɣɣ—на землю, ɔqʰzɣɣ—в рот, tɛmɛlɛkɛtkɛ—стране, vɔqqa—в сад.

4. Местный—„-dɛ/-tɛ“: tɔq dɛ—в горах, qʰʂlaqtɛ—в кишлаке.

5. Исходный—„-dɛn/-tɛn“: mɛndɛn—у меня, dɛlɛdɛn—с поля, ɔttɛn с лошади, ɔʂtɛn kejɣn—после плова.

6.) Instrumentalis Sociativus в обычной речи „тɣпɛn“: oɔʎɣtɣпɛn—с сыном, епɛɣtɣпɛn—с матерью.

7. Суффикс усилительной степени во всех позициях выступает в форме „-ɣaq“: kɔttɛɣaq—побольше, kɣsɣɣɣaq—поменьше, jumʂaqɣaq—помягче, ɣɣɣɣskɛɣaq—потоньше.

8. Притяжательные суффиксы:

а) во втором лице единственного числа на ряду с „-ɛ/-ɣɣ“ наблюдается и переход ɛ→j: vɔʂ—голова, vɔʂɣɣ—твоя голова, vɔʂɣjɣпɣ—твою голову; tɣl—язык, tɣlɣd—твой язык, tɣlɣjɣпɣ—твой язык;

б) во втором лице множественного числа наряду с „—ъпъз/—ъпъзъ“ имеются и дублиеты в форме „—ъпъз“, „—пъз“, „—ъпъз“, „—ъз“: вәлләгъпъз—ваши дети (лит. balalariniz), гәрдәпъз—ваша шея (лит. gardaniniz) öзъз—наряду с öзъпъз—вы сами (лит. özünüz), қъзләгъпъз—ваши девочки (лит. qizlaringiz), ыкәвъз—вдвоем (лит. ikkavingiz).

9. Infinitiv имеет характеристику „—мақ“: kelmaq—приходить, bergmaq—давать, қылmaq—делать, отырмақ (oturmaq)—сидеть.

10. В настояще-будущем времени (в отрицательной форме—Negativi) наряду с „—мәј“, встречаем „—мъј“ и фонетически промежуточный дублет „—меј“: oqumәjdъ = oqumejdъ = oqumъjdъ—он не учится, ышләмәјтәп = ышләмејтәп = ышләмъјтәп—я не работаю, қытылмъјтәп—я не освобожусь, ыпәтмъјтәп—не верю (лит. inanmajman), ышләмејтәп = ышләмъјтәп—я не знаю.

11. Во втором лице множественного числа прошедшего определенного наряду с нормальным „—дъпъзъ“ и дублет в форме „—дъпъз“: әлдъпъзъ = әлдъпъзъ—вы взяли, кәлдъпъзъ = кәлдъпъзъ—вы пришли.

12. То же самое наблюдается в условной форме: вәрсәпъзъ = вәрсәпъзъ—если вы пойдете.

13. Для образования Progressiv'a служит суффикс „—јәр“ (в ташк.—wәr¹)

1 л. әлјәрпән әлјәрпъз (әлјәрпъз)

2 л. әлјәрсән әлјәрсъз

3 л. әлјәрть әлјәрть (іәр).

14. Суффиксами причастия настоящего времени выступают: „—дъқәп“, „—дъгәп /—дъгәп“, „—дъгәп“: әләдъқәп-әләдъгәп, јъјдъқәп = јъјдъгәп (јъјдъгәп) = јъјдъгәп.

На этом позволю себе закончить описание некоторых фонетико-морфологических особенностей маргеланского говора узбекского языка.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ТЕКСТОВ

Отдельные фразы и выражения²

1. qaqa vәgәsъz	1. Куда поедете?
2. qaqa ketjәrsъz	2. Куда уходите?
3. тәп шаqa вәгәтәп	3. Я пойду сюда.
4. и вәша qәшлаqqa ketәдъ	4. Он уедет в другой кишлак.
5. qasan vәгә ³ ј	5. Когда мне поехать?
6. и тәх'тәртә ⁴ оқъјдъ	6. Он учится в школе.
7. һәзър тәх'тәркә кеттъ	7. Он сейчас ушел в школу.
8. кәлхәзъсләр сәръqqa сьрқъштъ	8. Колхозники вышли на окучку.
9. пәпъјздән вәгәп	9. Дайте (из вашего) хлеба (лепешек).
10. пестә (neštә)—вәттә	10. Сколько?—Одну.
11. пәндъ әлър qaqa vәgәsъz	11. Куда вы пойдете, взяв хлеб (лепешки)?
12. пәндъ әлър qәшлаqqa vәгәтәп	12. Взяв хлеб (лепешки), я пойду в кишлак (село).
13. тәнгә әзгәпә вәгәп	13. Дайте немного мне.
14. ертәпъсәгә (eitәпъсәгә) јәпә вәгәтәп ⁵	14. На утро (на следующий день) еще пойду.
15. әтәп әл ⁶ әнтъ	15. Умер ли твой отец?

¹ Суффикс „јәр“ восходит к „јатър“.

² Тексты записывались со слов Вахабова, Марасулова и других лиц.

³ шаqa ср. ušetkә, üšetkә или üšetә, şәttә, vәttә.

⁴ тәх'тәртә—см. характеристику фонемы „к“.

⁵ ертәпъсәгә || eitәпъсәгә (лит. еrtasiga—эртасига).

16. $\frac{g}{\gamma}$ ən $\frac{d}{n}$ ə $\frac{n}{n}$ kegʲn pəmɔŋgɔŋgə
kettʲm
17. $\frac{e}{ə}$ ʃund хэрə volʲp kéljəppən
18. mən həjɾ $\frac{n}{m}$ voldʲm¹
19. sə $\frac{n}{m}$ vɔləm ɯjgə vɔɾ
20. ɯʃəttən əpkeldʲ
21. heʃtʲmə² əpkelməɖʲ
22. endʲ nʲmə qʲ $\frac{ə}{e}$
23. ɯʃə sʲgʲrdʲ sətʲ
24. dəjɾ vɔjʲgə vɔgʲp cʲʃtʲ
25. vʲllə³ vɔqqa kʲgʲʃtʲ
26. sʲjɲm⁴ ɔtəŋ keljəptʲ
27. (j) ʲrtʲx⁵ telɾəjɖʲ vɔʃʲŋgə kʲj-
mə
28. əq qʲldʲm kɔx⁶ qʲldʲm...
29. jettʲ qɔjɖʲ ɯʃtəsʲnʲ sɔjɖʲ
30. nʲməgə mənɖən juɾʲzzʲ ɔgʲ-
rəs⁷
31. həmməsʲ əɖəq voldʲ
32. vɔgəkəndə ɟɔqəkən | ɔsəkəndə
toqəkən | vʲɾ kətvəɟal (наряду
с kətvəɟal) vɔgəkən
33. ɔɟlʲ kɔttə vɔrtʲ
34. heʃtʲmə qɔməptʲ
35. ʃɯnnəŋkegʲn xətʲnʲ ɯjgə qəgəp
kettʲ
36. sɔwdɔgə ketsangʲz ɟɔ: ɔzʲz qɔ-
lʲp ɔɟlʲz ketsʲn | ɟɔ: ɔɟlʲz
qɔlʲp sʲz ketʲn | ʲkəwʲz ket-
mən
37. mən vʲlməgənəkəmmən
38. mənʲ xətʲnʲm təmʲtʲnəm
ɯɾʲʃtʲ
39. sɔwdɔgəɾ turʲp—vɔməsəm dəs-
tərxɔllərnʲ təjjɔɾ qʲlʲɟ
40. sɔwdɔgə ketjəppʲz | ɔltɔjɖə vʲɾ
keləmʲz
16. После смерти (его), я уехал в
Наманган.
17. Так я расстроен (иду).
18. Я удивился.
19. Ты, дитя мое, иди домой.
20. Он принес оттуда.
21. Ничего не принес.
22. Что мне теперь делать?
23. Ту корову он продал.
24. Попал на берег реки.
25. Вместе вошли в сад.
26. Сестра (сестренка), отец (твой)
идет.
27. Не надевай рваной шапки на
голову.
28. „Я и белое делал, и зеленое“,
т. е. я и так делал, и эдак (но
ничего не вышло).
29. Из семи баранов зарезал трех.
30. Почему вы отворачиваетесь от
меня (отворачиваете лицо)?
31. Все кончилось.
32. Так обычно начинаются сказки.
Ср. русск. „Жили-были...“
33. Сын стал взрослым (большим).
34. Ничего не осталось.
35. После этого жена его напра-
вилась домой.
36. Если вы отправляетесь в путь
(совдо—торговля), то или сами
останьтесь, пусть едет ваш сын,
или сын ваш пусть останется—
езжайте сами. Вдвоем не уез-
жайте.
37. Я, оказывается, не знал.
38. Моя жена поругалась со мной.
39. Купец встал (и сказал): „В таком
случае готовыте скатерти (по-
дарки)“.
40. Выезжаем в путь (букв. „в тор-
говлю“). Приедем один раз в
шесть месяцев.

¹ n→m под влиянием последующего звука „в“.

² heʃtʲmə←hes nʲmə, ср. другие дублиеты: hʲʃtʲmə, ʃtʲmə, т. е. с долгим ʃ; на месте

h (ʲ) ʃ.

³ vʲllə←vʲrgə.

⁴ sʲjɲm←sʲɲlʲm.

⁵ (j) ʲrtʲx || jʲrtʲx←jʲrtʲq.

⁶ kɔx←kok.

⁷ ɔgʲrəs←ɔgʲrəsʲz | ɔgʲrəsʲz.

41. eʃɔjɔn ¹ kɔrɔr kelɔr ɔʃ pɔʃ- tɔmɔ dɔdɔ	41. Войдя в дверь, сказал: „Готов- плов!“
42. xɔtɔndɔ eɔ vɔʃqɑ qɔʃlɑqɑ ke- tɔdɔ	42. Муж женщины уедет в другой кишлак.
43. dɔlɔdɔ ɔkɔtɔ deqɔn voqɔdɔj ɔr- jɔrtɔ	43. В поле два крестьянина жнут пшеницу.
44. ʃɔ: ² qɔnɔtɔ ɔs	44. Он сильно голоден.
45. qɔz eʃɔjɔn vɔrsɔkɔ eɔnɔsɔ tɔn- dɔrdɔ nɔn jɔrɔr turɔrtɔ	45. Девушка вошла в дверь (и ви- дит, что) мать печет лепешки в тандыре.

Загадки и пословицы

1. zɔrgɔlɔm zɔrgɔrgɔlɔm kɔtɔrɔjdɔ- sɔm ɔɔɔɔrɔ gɔlɔm. [jer]	1. Золотой ковер—золотоукрашен- ный ковер, хочу поднять—тя- желый ковер (земля)
2. jɔxʃɔtɔnɔn jɔrsɔn jɔtɔrsɔn mi- rɔtkɔ jɔmɔn vɔlɔn ³ jɔrsɔn qɔlɔr- sɔn ɔjɔtkɔ	2. Если поведешься с хорошим— достигнешь цели, если пове- дешься с плохим (дурным)— устыдишься (ср. русск. „С кем поведешься, того и наберешься“).
3. ɔzɔn terɔk ɔsɔ kewɔk (kerɔk). [qɔtɔsɔ]	3. Длинный тополь, внутри отруби (камыш).
4. kɔskɔnɔ ⁴ dexɔ ɔsɔ tolɔ tɔxɔ. [ɔnɔr]	4. Маленький котелок, внутри пол- но гвоздиков (гранат—растение).
5. ɔttɔn vɔlɔnt ɔttɔn pɔs. [egɔr]	5. Выше лошади, но ниже собаки. (седло).
6. kecɔsɔ ɔsmɔn'gɔ ⁵ qɔrɔjdɔ kɔn- dɔzɔ jɔrgɔ qɔrɔjdɔ. [zɔnɔɔɔr]	6. Ночью смотрит в небо, а днем на землю (цепь).

¹ Переход k→j см. в описании.

² ɔʃ<ʃɔdɔ—„очень“ было произнесено с долгим э:

³ Статистически нормальным является tɔpɔp=tɔpɔt.

⁴ kɔskɔnɔ=kɔskɔnɔ, т. е. ɔ второго слога носит характер гласного, промежуточного между „i“ и „ɔ“ и весьма открытого.

⁵ В слове ɔsmɔngɔ звук „n“ носит характер смягченного „n“.